

А. М. Горький. на даче в Горках.

ПРОШЛО почти четверть века с тех пор, как Горький написал слабой рукой последнюю незаконченную фразу. А на страницах наших изданий продолжают публиковаться новые и новые документы из архива писателя — неизвестные ранее произведения, заметки, письма. Литературное наследие Горького кажется неисчерпаемым, да оно и является таким — по богатству мыслей и чувств, по их нескрывающейся жизненной силе.

Сейчас, когда XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза вдохнул миллионы людей грандиозным планом развернутого строительства коммунизма и когда в числе других задач поставлена задача дальнейшего духовного подъема народа, в частности духом его эстетической культуры, — многие мысли Горького приобретают новое значение и новую остроту.

Горький был убежден, что каждый человек является в какой-то мере художником, что способность наслаждаться искусством присуща самой природе человека. В новом, социалистическом строе он видел залог свободного развития всех человеческих дарований, в строительстве коммунистического общества — залог небывалого расцвета искусства, искусства народного, массового, близкого и дорогого миллионам людей. Он хотел, чтобы в каждом советском человеке проснулся художник.

И в то же время он постоянно говорил о том, какое сложное и какое ответственное дело — художественное творчество.

Возможно, кое-кто, прочитав публикуемое сегодня в «Литературной газете» письмо Горького к В. Баркову, скажет: «Вот, видите, как прямо говорил Горький людям, лишенным литературных способностей, что они зря теряют время, проба сил в литературе! Видите, какие он иногда произносил безжалостные слова: «Бросьте писать!» Да, Горький произносил иногда и такие слова. За свою жизнь он написал, наверное, несколько десятков подобных писем. Но сотни и тысячи писем он написал иного содержания, прямо противоположного

смысла. Когда Горький приходил к выводу, что надо сказать: «Бросьте писать!», — он делал это с глубоким огорчением, с болью, словом речь шла о нем самом, о собственной его неудаче. И тот, кто слышал от Горького такие слова, понимал, что в них нет даже тени пренебрежения, что они продиктованы только сознанием высокого назначения литературы.

Да, Горький считал, что не все способны создавать художественные произведения. Больше того: он считал, что и способность понимать художественные произведения, оценивать их по достоинству не дается сама собой, и ее надо выработать, воспитывать в себе, развивать. Он был требователен не только к писателям, но и к читателям. Среди необученных рукописей Горького есть наброски «Беседы о материале». Мы читаем здесь: «Человек для художника — материал, такой же материал, каким для ученого химика и для рабочего на фабрике являются металлы, минералы... От «просто человека» художник отличается только силой своих способностей: наблюдать, сравнивать, изучать, изображать. Он умеет знать о жизни больше, чем умеет читать, так же как мыловар знает о мыле больше читателя, который — допустим — ежедневно моется... Но как о качестве мыла последнее слово говорит не мыловар, а «просто человек», так и о ценности художественной литературы в конечном счете судит читатель, тот читатель, который любит литературу, воспитан на лучших ее образцах и не испорчен худшими. Горький с иронией относился к писателям, которые заигрываются от критики благожелательными отзывами «неискусшенного» читателя. Он говорил: «Серьезный писатель не должен опираться на оценки его трудов «неискусшенным» читателем, потому что года через три, через пять читатель этот «искусится» и начнет отлично понимать, что сделано хорошо, что — плохо».

Отсюда и вытекало убеждение Горького в исключительной важности и трудности задач, стоящих перед литературной критикой как перед толкователем художественных произведе-

ний, воспитывающим читательскую массу на высоких образцах литературы, и как перед выразителем требований народа к своей литературе. Горький, разбирая и оценивая произведения, часто оговаривался, что он не критик, что он судит о литературе лишь как читатель. Оговорки такого рода есть и в письмах, публикуемых сегодня. В этом сказывалась не только скромность Горького, который был и величайшим художником слова, и одним из самых замечательных критиков. В этом сказывалось, кроме того, огромное уважение к профессии критика, который должен знать «историю и быт своей страны лучше, чем знает писатель», и вообще быть «интеллектуально выше писателя». Само собой разумеется, что столь высокая оценка была связана с такой же высокой требовательностью. Горький ждал от критиков принципиальности и прямоты в их разговоре с писателями. Сам он всегда поступал именно так. Образцом строгой, но доброжелательной горьковской критики может служить письмо к А. Афиногенову по поводу пьесы «Ложь» — письмо, пронизанное отеческой заботой о судьбе талантливой драматурга. Горький ждал от критиков прекрасного знания истории литературы, ее традиций, путей их изменения и развития. И самое главное — Горький требовал от критики глубокого, всестороннего знания жизни, позволяющего делать широкие обобщения и освещать литературу путь вперед.

В VI томе «Архива А. М. Горького» опубликована такая характерная запись:

«Я спросил одного критика: — А на чем вы обосновываете ваше право критики?»

Он очень удивился. — Ну, как же, батенька? Странный вопрос! Я же читал книги... Брандеса читал, Тэна — и вообще. Знаю историю литературы. Странный вопрос».

А в неопубликованной стенограмме одной из бесед Горького есть такие слова: «Критика у нас страдает, одним недостатком — очень серьезным: она работает с поня-

тиями, а не с фактами, ее не интересуют темы. Темы — это отражение действительности, а с действительностью у критики отношения довольно отдаленные...»

Идти от жизни, от фактов, поднимаясь до широких философских обобщений, — таков, по Горькому, единственно верный путь к пониманию и оценке художественной литературы. Разве эти мысли потеряли свою остроту, свою актуальность? Разве приведенные слова Горького не воспринимаются как реплика в сегодняшних спорах о «правах и обязанностях» критиков, да и литераторов вообще?

Голос Горького громко звучит и сегодня. Особое значение приобретают в наши дни его слова о том, что социалистический реализм является не только эстетикой, но и этикой нашего искусства. Он подчеркивал, что наш творческий метод подразумевает особые нормы поведения писателя, особую ответственность его перед читательской массой, перед всем народом, перед героической действительностью. Было бы неплохо отразить эту мысль Горького в Уставе СП СССР, когда он будет уточняться на III Всесоюзном съезде.

Конечно, навью искать у Горького ответы на все вопросы современного литературного движения. За последние четверть века жизнь ушла далеко вперед, и перед литературой встали неизвестные прежде задачи, требующие новых решений. Дожив Горький до наших дней, он обогатил бы нас новыми творческими идеями. И все же в большей своей части горьковское литературное наследие продолжает быть современным в самом глубоком и точном смысле этого слова. Ибо оно пронизано стремлением к той цели, которая остается нашей главной целью и которая именно сегодня стала осязаемо близкой, практически осуществляемой. Эта цель — коммунизм.

Воспитание нового человека в духе коммунистических идеалов — вот что было и продолжает быть важнейшей задачей «серьезного и трудного» дела советской литературы, неизбывные основы которой заложены Горьким.

Б. БЯЛИК

Архив А. М. Горького Института мировой литературы Академии наук СССР совместно с «Литературным наследием» подготовил к печати изданную переписку А. М. Горького с советскими писателями. Этой переписке будет посвящен один из очередных томов «Литературного наследия».

Ниже публикуется 8 писем из названного издания. Публикация подготовлена научными сотрудниками В. Диевым, С. Доморацкой, Ф. Иоффе.

Письма А. М. Горького о литературе

А. Н. Афиногенову

(из писем)

«Сорренто, не ранее второй половины апреля 1933 г.»

Дорогой мой друг. Нам, литераторам Союза Советских Социалистических Республик, давно уже пора усвоить простую истину: мы пишем не только для пролетариев Союза нашего, но и для пролетарията всех стран. Это — факт неоспоримый. Он возлагает на нас огромнейшую ответственность.

Ваша путанная нина¹ в длинной беседе с Рядовым сказала одну хорошую правду: «О хорошем надо больше писать». Но, по Рядовому, хорошее это ложь, ибо это — «выдумка», а выдумка — вытжка из реального опыта.

Ваша пьеса неудачна и вредна потому, что Вы попали в тесный плен грубейшего эмпиризма, придали слишком много значения своему личному опыту. Позвольте мне напомнить Вам мой случай разногласия с Владимиром Ильичем. Я считал себя человеком более широкого опыта, чем он, теоретик. Отчасти, он сам был виноват в этой моей смешной и глупой ошибке, ибо в Лондоне — и не только там — жаловался мне, что плохо знает русскую действительность и что «посредством статистики, арифметики, всего человека не разоблачишь». В 17 году мой эмпиризм послужил основой моего скептического отношения к силе пролетариата и, как Вы знаете, «теоретик» оказался сильнее эмпирика, ближе к исторической правде. Ошибка эта дорого стоила мне, я — глубоко, горячо любил и уважал Ильича и никогда не чувствовал себя так сиротски, таким бессильным, как в год его смерти. Вот, дорогой товарищ, над этим случаем Вам нужно подумать, он — крайней поучителен. Поймите меня и не обижайтесь, я говорю с Вами как друг и соратник, как боец одной роты с Вами. Вы взяли тему непосильную для Вас. Это — огромная тема, и Вы для нее — молодцы. У Вас нет той ширины и того разнообразия опыта, которые требуются для того, чтоб разработать эту тему во всей ее глубине. Над нею надо работать не один год.

Теперь разрешите указать на художественные шероховатости пьесы.

Горчакова — интеллигентка, так? Вы написали ее недостаточно ясно. Примитивный и пошлый индивидуализм Кулика настолько обнажен Вами, что Горчакова должна быть показана или глупее, пошлее его или же — хитрей; в последнем случае она пользуется Куликом как орудием достижения ее целей. Крайне сомнительно, чтоб она искренно могла признаться «цельным», «непоколебимым» человеком, который обижен тем, что его «обгоняют солдаки, кончившие вуз». Завянуть ему: «буду учиться у тебя силе воли» она могла бы только из хитрости, из желания сделать его послушным ее намерениям.

Во втором акте она признает свою «ошибку с протоколом», но в первом изнесении Куликом слов Нины, — «Я хочу не только верить» — так грубо и очевидно, что Горчакова не могла согласиться с толкованием Кулика.

Сцена Рядового — Накатова сделана вяло. В ней не хватает каких-то очень сильных слов со стороны Рядового.

Совершенно не оправдан выстрел Нины, да не оправдана и «ложь» ее по поводу выстрела, что крайне усиливает пессимистическую окраску всей пьесы.

Не стану перечислять ее «недоделанностей», а она — есть. Подумаю, Вы сами найдете их и — лучше, если найдете именно сами.

Так же, как Нина, Вы сами, Афиногенов, несколько чрезмерно «умиляетесь собственной праведностью», «влагая палец в язык» партии. Вы знаете: я не партия, внутренняя, интимная жизнь партии — мало знакома мне. Но — большевика, как тип, я знаю тридцать лет. Может быть, я никогда не сумел изобразить большевика так, как он заслуживает. Но я имею все основания сказать, что Вам этот тип человека — не ясен. Затрудняюсь сказать — почему? Но думаю, что по молодости Вашей и вследствие малого знакомства с биографией большевика, который важен, интересен не со стороны его недостатков, а со стороны его достоинств. Его недостатки коренятся в прошлом, которое он неумолимо разрушает, достоинства — в настоящем, в работе строительства будущего.

Мы, литераторы, начинаем говорить о необходимости социалистического реализма в литературе — реализм этот может быть основан только на социалистическом опыте работы, произведенной партией за 15 лет. Вам надо научиться смотреть на прошлое и настоящее с высоты целей будущего. На эту тему мы побеседуем при свидании.

¹ Речь идет о пьесе А. Афиногенова «Ложь» («Семья Ивановых», 1933). Рукопись пьесы была послана Афиногеновым Горькому 6 апреля. «Ложь» была принята к постановке и начала репетироваться во многих театрах страны: МХАТ 1, МХАТ 2, Ленинградском государственном театре драмы и пр. В конце октября 1933 года состоялось две открытые генеральные репетиции «Лжи» в Харьковском государственном театре русской драмы, который должен был открыться постановкой этой пьесы. Однако Афиногенов, учтя критические отзывы, обратился в театры с просьбой снять «Ложь» с репертуара.

Л. Н. Сейфуллиной

«Тессели, 19 ноября 1934 г.»

Многоуважаемая татарка Лидия Сейфуллина, чиртова кулака с глазами, как шарикоподшипники!

Мною, старым воробьем от литературы и генералом от старости — могу сказать так, ибо в древнее время «бытовали» генералы от инфантерии — (терпеть не могу вводных предложений!) — мною давно уже было замечено, что Вы не только весьма даровитый литератор, но человекinja, выблещенная в литературу, и, главное, смело честная, искренняя, — качества, коими литера-

турная «среда» не изобилует. Хотя это сказано тоже совершенно искренно и с полнейшим убеждением, — но — ежели не верите, чорт с Вами! — можете считать за комплимент, дело — не в этом.

Получив Ваше «объяснение в любви»¹, я чувствую себя в праве «спробовать» Вас, сиречь — изругать.

...Вы бы лучше писали побольше, да — не писем к старикам, а — рассказов, повестей, даже роман следовало бы попытаться начать... У Вас есть вполне определенное, своеобразное дарование и Вы — не имаете права игнорировать его... Я Вам еще раз повторю: Вы человек талантливо чувствующий и Вы имаете все данные для того, чтоб талантливо знать, талантливо различать нужное от ненужного, находить в навязе жизни ее жемчужные зерна. Именно об этом говорят: «Принял»², «Правонарушители» и другие рассказы, включительно с последним, прочитанным мною — «о девочке»³.

Я уверен, что Вы могли бы отлично писать о детях, о женщинах, в их современном виде.

Ругать Вас я могу весьма дланно и много, но, к сожалению, — у меня нет времени для этого полезного дела. Да и — чорт Вас знает! — еще обидитесь: какое право ругаться имеет этот старинный Нестор Букольнич? Да.

Уважаемая Сейфуллина — факт! Я — старее. Старее, как бог или как Герберт Уэллс и так же, как у последнего, у меня развивалась магия величия. Я хочу сделать земной шар гладким, как бильярдный, и для этого разрушаю камни, чтоб — впопыхах — разрушить все горные хребты: Кавказы, Альпы и прочие Гималаи.

Очень неудобно будет любителям спокойной жизни на гладком-то шарике! Вообще я им устрою штучку!

Пока — до свидания! Спасибо за письмо.

Литераторы должны любить друг друга, вовсе не так, как собаки любят. Или — петухи. Верно? Жму лапу. Иегудиял Хламид. Он-же Морукий (А. Пешков) и Джонатан Шекспир. Биселс⁴ в Брыму.

¹ Имеется в виду письмо, в котором Сейфуллина делится с Горьким впечатлениями от спектакля «Егор Булычов и другие» в театре имени Благодина.

² Горький имеет в виду повесть «Виринея».

³ Речь идет о рассказе Л. Сейфуллиной «Таня».

⁴ Так Горький шуточно называл место своего пребывания в Брыму — Тессели.

Н. С. Новоселову

«Сорренто, 28 марта 1929 г.»

Товарищ Новоселов!

Статья «О противоречиях»¹ не первая из тех, в которых я, в меру сил моих, протестую против игры на понижение культурно-революционного пафоса крестьянской и рабочей молодежи. Я считаю это моей обязанностью потому, что ежемесячно, из разных углов Союза Советов, мне присылают рабочие и крестьяне полторы — две сотни писем. Большинство этих писем наполнено жалобами на трудность жизни, на моральный развал и всяческие уродства нашей действительности. Поле зрения жалобщиков, как Вы, наверное, согласитесь, не может быть особенно широким, и материал для них они черпают не столько из области личных неудач, пережитых ими, сколько из газет. Газеты, обслуживая лозунг «самокритики», работают ремесленно, приличиво и усердно подчеркивая темные, уродливые факты, хаотически заваливая этими фактами явления другого, положительного характера. Эти явления — есть, их не может не быть в стране, которая хотя все еще трудно живет, но уже все-таки и с необыкновенной быстротой строит новую действительность. Не отрицая социально-воспитательного влияния самокритики, я не могу не указать, что она односторонняя, казенна, большею частью — бездарна. Затем: я указываю, что «самокритика» в принятых у нас формах ищет в ругу нашим врагам и не только эмигрантам, но только буржуазии Европы и Америки, а и внутренним нашим врагам, «механическим гражданам»². Я очень хорошо осведомлен о том, что думает и чего хочет «внутренний враг» рабоче-крестьянской власти, я знаю, как он ловко умеет пользоваться каждым фактом, который порождает рабоче-крестьянскую массу, ее власть и партию. Но я отнюдь не рекомендую молодежи смотреть на неудачи жизни «своими розовыми очками». Инструмент этот, искажающий зрение, вредит ей и не к лицу, так же, как он и мне не к лицу.

Я говорю: учиться надо не только на плохом, а и на хорошем. Надо было помнить, что люди до ужаса тонко умеют и делают, и понимать плохое, они учились этому века. И так же до ужаса плохо они видят, низко ценят и с трудом верят в хорошее, — в то хорошее, которое они впервые за всю историю трудового народа сами начали делать.

Вам, молодым строителям нового рабочего государства, надо было твердо помнить, что вы работаете в окружении, враждебном вам, и что врагов у вас неизмеримо больше, чем друзей.

Вам надо было точно и тонко знать всю ту северную, которой так много вокруг вас и которую вы должны уничтожить, но так же тонко и точно вам необходимо знать и все то хорошее, что вается же силой создается в стране. Вы же имаете возможность и право противопоставить старому, плохому — новое, хорошее. Точное знание того и другого крепче поставит вас на ноги, сделает тверже и уверенней ваши шаги вперед, к организации свободного трудового социалистического государства.

Вам надо было осознавать и ввести в плоть, в кровь свою простейшую идею, неоспоримую в ее истинности: все создано и создается трудом, таланты и гении это — просто люди, которые умеи трудиться с великой любовью к процессу труда, к цели труда и к людям.

Необходимость подвести и подводить итоги всему новому, что строится силой рабочих и крестьян в Союзе Советов, внушила мне мысль организовать журнал «Наши достижения»³. Журнал этот будет выслан Вам. Если Вы найдете нужным написать что-либо о Вашей школе для этого журнала, пишите.

Из редакционной статьи в первой книге Вы ознакомитесь с целями журнала.

Письмо Вы мне написали очень хорошее.

Будьте здоровы. Школе — привет мой.

М. ГОРЬКИЙ

СОРРЕНТО 28.III.29.

¹ Новоселов Н. С. — литературовед (погиб на фронте Великой Отечественной войны в 1941 г.).

² М. Горький. «О противоречиях». «Правда», 7 марта 1929 г.

³ См. статью М. Горького «Механическим гражданам» СССР» и «Еще о механических гражданах» (Собр. соч., т. 24).

⁴ Журнал «Наши достижения», организованный и редактируемый Горьким, выходил с 1929 по 1937 г. Журнал ставил своей задачей отразить достижения социалистического строительства в СССР.

⁵ Месяц указан Горьким ошибочно.

А. К. Виноградову

«Сорренто, 24 апреля 1928 г.»

Простите великодушно, дорогой Анатолий Корнелиевич! Я до того забит письмами и всяческой мелкой работой, что лишь сегодня могу дунутью поблагодарить Вас за Ваши письма и подарок, — книгу Стендаля, украинскую Вам отгичнейшей статьей¹, — это не «комплимент», а передача подлинного впечатления. Книжку эту я уже имею, приобрел ее, как только она вышла, имею и другую работу Вашу «Разоблаченный Стендаль», 26-й экз.²

Стендаль, Бальзак и Флобер очень много дали мне, и я давно собираюсь рассказать о них современной молодежи, да все не могу выбрать времени. Мне вообще очень хочется писать о литераторах, конечно, не «критически» статьи, а о том, как я их вижу и чем обязан им. Из русских, вероятно, не плохо бы изобразил Н. С. Лескова, неопцененного у нас по его великим достоинствам и по заслугам пред русской речью.

Статья о Гамсуне была напечатана по норвежски, затем ее перевели шведы и англичане, а на русском языке она, кажется, не опубликована³. Подлинника у меня нет, но если Вам нужно, я доставлю его в Москве. Его последние книги «Орб земли» и «Санатория» совершенно изумили меня, первая — эпическим тоном, вторая изумительно легкой игрою таланта. Удивительный художник. «Врозия» его я еще не читал.

Как нравится Вам «роман» о Бальзаке Рене Бенжамена⁴? Прекрасно изображено, как писалась Бальзаком книга «Отец Горто», и вообще — хорошая работа. И тон, вполне достойный темы.

Спасибо за поздравление⁵. Очень тронули меня приветы детей и различных «одиночек», поздравляли люди из самых глухих углов и отдаленнейших пунктов России, как-то: Брет-Гартовские типы из Зайсана, с Алтая, из Карелии. Смущен я всем этим, не ожидаю и чувствую себя в долгу пред людьми.

Кренку жму Вашу руку, будьте здоровы!

24.IV.28.

А. ПЕШКОВ

¹ Стендаль. «Новеллы, хроники и эпизоды», перевод и вступительная статья А. Виноградова. М.—П. 1923.

² П. Мериме. «Разоблаченный Стендаль», перевод А. Виноградова. М. 1924. Было напечатано 333 нумерованных экземпляра.

³ Статья Горького о Гамсуне напечатана в сборнике «Перевал» № VI. М.—Л. 1928.

⁴ Рене Бенжамен. «Необычайная жизнь Оноре де Бальзака». М.—Л. 1928.

⁵ По поводу 60-летия со дня рождения А. М. Горького.

В. Н. Баркову

«Сорренто, 1 апреля 1930 г.»

Василий Николаевич — примите дружеский совет: бросьте писать!

Ничего у Вас не выйдет, только время зря потеряете. Выгоднее и лучше будет для Вас, если Вы потратите это время на чтение книг.

Для того, чтобы быть полезным работником литературы, необходимо хорошо знать грамоту, а Вы знаете ее плохо. Литературный язык тоже незнаком Вам. А главное — нет у Вас никаких способностей для литературного труда.

Исправить расказ Ваш¹ я не могу, потому что исправлять в нем нечего — нет материала. А материала нет, потому что Вы не чувствуете, о чем надо было писать.

Не сердитесь. Литература — дело серьезное и трудное, много я Вам по поводу Вашего расказа ничего не могу сказать.

1.IV.30.

А. ПЕШКОВ

¹ Барков В. Н. (р. 1886) — рабочий-кузнец. Во время переписки с Горьким был на хозяйственной работе.

² Речь идет о рассказе В. Баркова «История одной любви».

А. В. Коршунову

«Сорренто, начало 1933 г.»

В. А. Коршунову!

Писатель вообще, а наш, советский — в особенности, должен обладать, кроме хорошей грамотности, богатым запасом бытовых знаний, т. е. знания условий, окружающих его, и настроений, которые изменяют эти условия или задерживают процесс изменения их. На почве столкновений консерватизма и революционности возникают все наши драмы, как Вы знаете.

Кроме этого, писатель должен обладать умением и терпением в деле обработки своих впечатлений. Судя по письму Вашему, у Вас этого терпения и упорства — нет. Если б Вы его имели, Вы бы сначала сделали что-нибудь, а потом уже спрашивали: хорошо или плохо? А Вы спрашиваете об этом меня, не показывая мне, что именно сделано Вами. Что же я могу ответить на Ваше письмо?

¹ Коршунов В. А. (р. 1911) — в период переписки с Горьким был рабочим.

В. Ф. Плетневу

«Тессели, 5 декабря 1935 г.»

Тов. В. Плетневу!

Дорогой товарищ, был, изображенный Вами в пьесе¹, я знаю только по газетам, по книжкам, т. е. — плохо. Вы, конечно,

понимаете, что это весьма существенное предисловие к тому, что следует дальше.

Пьеса оказалась мне достаточно интересной и живой, некоторые фигуры написаны красочно, таковы: Бабина, ее сын, Таня, Шура, Варвара, Борис, Филимончик, Гришан. Но все — знакомы по биографиям и автобиографиям, которые почти ежедневно печатаются в газетах. Ищешь, что добавил им автор от себя? И — не находишь. Это говорит о «документальности», о правдивости характеров, это заставляет согласиться: «с подлинным верно». И это придает пьесе характер фотографичности, а фотография — светлосны, но еще не искусство. Иными словами: характеры не возведены на ступень типов, а искусство стремится типизировать. Хулиганы у Вас из миллионского протокола, и не видно: почему они — хулиганы? И почему Телеграф — свинья, ведь не потому же, что она прачка, а не ткачиха? Вы написали «легкую» комедию, зрители в театре, наверное, будут кое-где смеяться, но что же, кроме этого, они вынесут со спектакля? «Минимый больной», «Мещанин во дворянстве» — тоже легкие комедии.

Я думаю, что уже наступило время, когда советский литератор должен предьявлять к себе, в своей работе более высокие требования.

Можно бы указать еще на многословие «действующих лиц», но это отшелушится на репетициях.

Таня говорит о желании иметь ребенка — очень плохо.

М. ГОРЬКИЙ

¹ Плетнев В. Ф. (1886—1942) — советский писатель, драматург. В прошлом один из теоретиков и руководителей Пролеткульта.

² О какой пьесе В. Плетнева идет речь, установить не удалось.

Ю. Г. Когбетлиеву

«Сорренто, 29 февраля 1929 г.»

Ю. Когбетлиеву!

Можно думать, что стихи писались двумя авторами, один — лирик, не чуждый иронии, с хорошим глазом на природу, вообще — на мир, на людей, с яркими признаками оригинальности в образах. А другой — эдакий повествовательный, не верующий в себя, и — жаловаться ему на все. Они, конечно, друг другу мешают, и поэтому в неудурные, иногда очень своеобразные стихи вторгается то пошлейший романс:

«Ничего мне на свете не надо, Только надо тебя мне одну»

или:

«Трансвааль, страна родная».

Еще хуже, когда оказывается, что в этом суматошном «творчестве» принимает участие такая несоединимая тройка, как Гумилев, Есенин и Блок.

Все это вместе взятое совершенно сбивает с толка читателя, и он не знает: что сказать? Талантливый человек писал? Да. А может он стихи писать хорошие? Нет. Вот что получается, когда человек способный не умеет отнестись к себе самому с достаточной серьезностью.

Не сердитесь.

Мне всего доброго.

29.II.29.

А. ПЕШКОВ

¹ Когбетлиев Ю. Г. (р. 1903) — художник. В публикуемом письме речь идет о тетради стихотворений «Иза цыкла: Переулки вереницы», которую он прислал Горькому.

² Когбетлиев Ю. Г. (р. 1903) — художник. В публикуемом письме речь идет о тетради стихотворений «Иза цыкла: Переулки вереницы», которую он прислал Горькому.

³ Когбетлиев Ю. Г. (р. 1903)